

Г.И. Курныкина
Алтайский государственный университет
(г. Барнаул)

**Из истории
учено-торговой экспедиции 1874–1875 гг.
(или «Наглядное знакомство с Китаем»)**

Вторая половина XIX в. в Западной Сибири отмечена активизацией деятелей просвещения в области изучения региона и сопредельных стран. От попыток систематизации известных сведений об истории, географии, культуре отдельных территорий краеведы перешли к постановке серьезных научных проблем, публикациям в общероссийских изданиях, отражающим потребности поступательного развития государства.

Среди сибирских городов заметную роль в этом плане стали играть административные центры, расположение которых позволяло местным поборникам просвещения не только самим совершать научные экспедиции, оперативно делиться с коллегами полученными результатами, но и быть в курсе центральных научных, военно-статистических и учено-торговых экспедиций по русскому Востоку, а также Китаю, Монголии, Казахстану.

Омск, будучи административной столицей Западносибирского края, стал еще и центром, в известной степени координирующим как местные, так и зарубежные исследования сначала преимущественно по военной линии, топографической, затем экономической, а позже научной и научно-практической. Не случайно именно в Омске в 1868 г. возникло Общество исследователей Западной Сибири, а в 1877 г. — Западно-Сибирский отдел Императорского

Русского географического общества (ЗСОИРГО), которому суждено было занять место ведущего научного центра за Уралом в XIX — начале XX в.

В указанный период ЗСОИРГО и его предшественник не пропустили ни одной информации о командированных в Сибирь исследователях и экспедициях, а отдельные их члены были непременными консультантами для зарубежных и столичных специалистов, для которых путешествие по восточным окраинам России и за рубеж было сопряжено с немалыми трудностями, а порой и риском для жизни.

В 1874–1875 гг. в Омске и других городах Западной Сибири активно обсуждался план, а затем и итоги учено-торговой экспедиции в Китай, руководителем которой был полковник Генерального штаба Ю.А. Сосновский, а участниками — топограф из Омска З.А. Матусовский и врач П.Я. Пясецкий. Участие Матусовского в экспедиции возбуждало особый интерес у сибиряков к этому мероприятию и его программе, и этот факт нашел отражение в эпистолярном наследии сибирского научного сообщества. Об этом, к примеру, можно узнать из переписки С.И. Гуляева — алтайского краеведа и И.Я. Слоцова — члена-учредителя Общества исследования Западной Сибири и ЗСОИРГО. О последнем, кстати, писали именно как о знатоке местных экспедиционных реалий и специалисте, мнением которого о специфике предполагаемых маршрутов интересовались в свое время А. Брем, О. Финш и другие.

По свидетельству И.Я. Слоцова, экспедиция 1874–1875 гг. в Китай была «во всех отношениях интересна»¹. И хотя ее конечные результаты подверглись впоследствии критике, она явилась важным событием в научной и культурной жизни России и Западной Сибири, а сегодня дает пищу для размышления в поисках решения задач, связанных с изучением стран Центральной Азии и Китая.

Основанием для командирования в 1874 г. в Китай группы специалистов явилась потребность в развитии российской экономики, обострение торгового соперничества с Англией в этом регионе и необходимость ввиду этого строительства факторий в зоне возможных контактов с китайцами, изучение спроса на российские товары, а также (выражаясь современным языком) деловой культуры потенциальных бизнес-партнеров. Научная часть программы предстоящего вояжа в Китай включала также знакомство с культурой, бытом

населения, особенно в северо-западных провинциях Китая, где русская торговля могла бы развиваться с наибольшими успехами. Кроме того, были частные поручения, а также индивидуальные планы, которые преследовали члены экспедиции.

Важным моментом в организации и осуществлении экспедиции было участие правительства в лице министерств иностранных дел, финансов и военного, что придавало ей статус общегосударственной, а также интерес к предстоящему обозрению Китая со стороны императора Александра II.

В современной востоковедческой литературе экспедиция полковника Ю.А. Сосновского и его спутников представлена на уровне упоминания факта путешествия и цитат, используемых в связи и по поводу истории изучения Китая. Но в свое время российские предприниматели довольно горячо обсуждали предстоящий зарубежный поход и его цели. По его результатам был опубликован научный отчет Ю.А. Сосновского (в газете «Голос», «Военном сборнике», отдельной брошюрой), книги Ю.А. Сосновского, З.Л. Матусовского, П.Я. Пясецкого, отзывы в изданиях ИРГО, а также буклеты, анонсирующие выставки художественных видов Китая, выполненных доктором П.Я. Пясецким. Информация об учено-торговом походе и его результатах появлялась в газетах «Московские ведомости», «Всемирная иллюстрация», «Радуга», материалах Всемирного конгресса ориенталистов в Санкт-Петербурге, Всемирного географического конгресса в Венеции, Всемирной выставки в Париже.

И с этой стороны она перестала быть фактом отраслевой или ведомственной истории, но явилась прекрасной иллюстрацией всеобщего интереса к Китаю, сотрудничество с которым имело длительную перспективу и представлялось актуальным и с экономической, и с научной, и с культурной точки зрения, несмотря на значительные материальные затраты и итоги, не оправдавшие ожиданий заинтересованных лиц и некоторых организаций.

Как уже отмечалось, в основной состав экспедиции были включены Юлиан Адамович Сосновский как ее руководитель, в 1872 г. успевший поучаствовать в разведывательном походе по Черному Иртышу для определения «кратчайшего пути из Западной Сибири внутрь Китая». Другой участник — доктор медицины Павел Яковлевич Пясецкий (как указывалось в отчете Сосновского, привлечен-

ный «для естественно-исторических исследований»²). Третье активно действующее лицо — капитан Зиновий Лаврович Матусовский — для топографического описания маршрута. А кроме того, переводчик Иннокентий Степанович Андриевский — ученик востоковеда В.П. Васильева, фотограф Адам Эразмович Боярский, китаец Сюй — представитель чайной фирмы Сю-хе-лун (г. Кяхта), знакомый с реалиями русско-китайской торговли, и три казака сибирского войска — для сопровождения: Николай Смокотнин, Аксений Павлов и Иван Степанов.

В финансировании экспедиции приняла участие казна — в сумме 5000 рублей, кяхтинское купечество — 3000 рублей, другие лица — 4000 рублей. Итого: 12 000 рублей.

В обсуждении задач экспедиции участвовали представители российских торговых кругов, начиная от Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Перми и заканчивая сибирскими городами по маршруту следования — Тюменью, Омском, Томском, Семипалатинском, Иркутском, Кяхтой. Видимо, это был важный аспект всего предприятия, т.к. эти экономические наиболее развитые центры задержали путешественников почти на три месяца. И везде они встречали «неподдельное, исполненное живого интереса сочувствие», полную готовность служить «общему делу». И хотя идеи, предлагаемые для реализации, иногда были экстравагантными, а чаще утопическими (как отмечал Сосновский, «предлагалось с куском морозовского ситца в руках начертать дорожник Китая»)³, многочисленные беседы с предпринимателями позволили подкорректировать планы пути, наметить важнейшие остановки, а главное — представить цели предприятия в их реальной конкретике. И последнее, видимо, было ценнее всего, т.к. предстояла работа, выполнить которую был в состоянии, по современным меркам, коллектив ученых, занимающихся проблемой экономического и политического сотрудничества с Китаем и его будущности не один год или полевой сезон.

По времени зарубежный маршрут экспедиции был пройден за один год и три месяца — с 12-го июля 1874 г., когда в районе Кяхты была пересечена граница, по середине октября 1875 г., когда отряд очутился в Зайсане. Протяженность маршрута — 4000 верст, из которых 1200 было пройдено водным путем, 250 — с помощью вьючных животных, а 258 — на телегах. За это время была обследована территория, которая значительно различалась по природно-климатическим условиям (степи, горы, долины, пустыни, оазисы), плотности населения (начи-

ная от одиночных поселений и заканчивая крупными провинциальными городами и столицей Китая — Пекином) и уровнем материального благополучия проживавших граждан.

Осуществляя зарубежный поход внутрь Китая с целью выяснения «задатков торговли в этом направлении»⁴, его участники порой значительно отклонялись от магистрального пути, стремясь обозреть и нанести на карту местности, не знакомые европейцам. Так что рисунок пути был затейлив и отражал масштабность проделанной работы.

Ввиду сложности задач, стоявших перед небольшим отрядом путешественников, и обилием впечатлений от увиденного, их внимание было сосредоточено на важнейших поручениях правительства и тех обстоятельствах жизни китайцев, которые бросались в глаза в первую очередь. Это и нашло отражение в отчетах и публикациях, продолжавшихся в течение последующего десятилетия.

Поскольку всеми критиками было отмечено, что ученой экспедиция называлась формально, и ее немногочисленный состав этот тезис подтверждал, то наиболее неудовлетворительной признавалась именно научная оценка возможного развития экономических отношений с Китаем, а также статистика, приводимая в отчете Ю.А. Сосновского, малооригинальная, основанная на уже известных и не очень убедительных источниках. Критиковались и рекомендации, предлагаемые для активизации торговых оборотов и усиления конкурентоспособности российских товаров на китайском рынке.

Видимо, все сказанное было не лишено оснований. Средства, вложенные в проект, значительно превосходили прежние научно-практические ассигнования. Экономика России нуждалась в выходе на новые рубежи развития. Поэтому ожидания чуда от учено-торговой экспедиции были велики. Но было бы несправедливым все обвинения относить на счет горстки людей, которые использовали все свои возможности, опыт, здоровье, чтобы достичь цели. И если сиюминутные общественные потребности они были удовлетворить не в состоянии, с позиций перспективы их труд не был напрасным. Каждый участник экспедиции внес лепту в познание Китая, что было важно в конце XIX в. и что не потеряло своей актуальности сейчас.

К тому же в отчетном докладе Ю.А. Сосновского можно найти попытки реализовать задачи научного проекта в части определения наиболее подходящих мест торгового обмена между двумя странами,

ассортимента продукции, выгодного с точки зрения получения прибыли, например, в Монголии, которая «не знает обрабатывающей промышленности»⁵. Были обозначены благоприятные условия для захвата рынков в Китае: ослабление активной части китайского купечества в областях, охваченных «инсургенцией», т.е. дунганским восстанием, и возможность «воспитания спроса» на российскую продукцию в разоренной части страны.

Интерес и сегодня вызывают замечания руководителя экспедиции по поводу внутренних причин, мешающих росту взаимовыгодной торговли: несерьезного отношения к партнеру и так называемого недостатка предприимчивости русских коммерсантов. В этой части своего рапорта Ю.А. Сосновский мог бы составить конкуренцию современным знатокам деловой этики в Китае. Например, он обращает внимание на то, что китайские купцы сильны своей защитой корпоративных интересов, дисциплиной (предпочтения в выборе партнера отдаются представителю китайского рынка, а не иностранного; для членов торговых объединений максимально облегчено ведение банковских дел, цены на продукцию регулируются для сокращения иностранного присутствия, и «не найти примера, чтобы кто-нибудь нарушил постановления собраний» и т.д.)

Хитрость в общении с иностранцами на рынке — едва ли не обязательное условие ведения дел, так что русскому купцу быть всегда начеку нелишне, как полезно использовать личные связи и знать особенности психологии китайцев. В Китае «такая «подкладка» обращена в политическую систему». Обращая внимание на это, Ю.А. Сосновский писал: «Я даже склонен думать, что нам не столько страшно соперничество цивилизованного европейца, сколько неумелого китайца, потому что он пускается на такие приемы, которые не должны бы входить в соображение порядочного человека»⁶. Особенно его озадачил факт использования суррогатных денег, имевших хождение в отдельных провинциях Китая: китайцы такие деньги легко могут обменять в банке на настоящие, иностранец — редко и с большими потерями и т.д.

К положительному итогу экспедиции можно отнести появление в 1883 г. книги Ю.А. Сосновского «Экспедиция в Китай. 1874–1875», в которой можно найти немало интересных сведений о стране, недостаточно известной в России. Например, читателю важно было

узнать, что, несмотря на предубеждения и страхи по поводу безопасности маршрута, экспедиция пользовалась китайским «охранным билетом» на всем протяжении пути, а местное население весьма доброжелательно встречало гостей. «Обстановка нашего следования, — писал Ю.А. Сосновский, — представляла такое исключительное, небывалое в Китае явление, что нелишне сказать о ней несколько слов. Это был один непрерывный ряд триумфов, встреч и оваций: войска, власти и народ церемониальным шествием с музыкой, значками и знаменами выходили навстречу; крепости салютовали, города расцвечивались флагами и иллюминацией; заботливость доходила даже до того, что мосты и дороги местами были исправлены»⁷.

Ю.А. Сосновский не случайно был поставлен во главе похода. В 1872 г. он уже занимался изучением возможности русского экономического движения в Китай, участвуя в экспедиции по поиску кратчайшего пути из Западной Сибири внутрь Китая. В 1873 г. за этот поход он был удостоен серебряной медали Императорского Русского географического общества. И этот опыт с успехом был применен и в походе 1874–1875 гг., т.к. сроки, объемы проделанной работы, материалы, которые были доставлены в Санкт-Петербург, позволяют считать этот поход состоявшимся. Насколько возможно было, экономическая часть задания Сосновским также была выполнена (ему удалось даже организовать движение некоторых караванов по уже проложенному маршруту, здесь его поддерживали туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман, генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков, купцы Каменский, Молодых, Колмогоров, Колокольников и др.). Другое дело, что научный потенциал членов экспедиции и в начале всего предприятия не обещал выдающихся результатов. К тому же и по сей день отряды теоретиков и практиков не решили всех задач в области укрепления и развития торговли с Китаем, что позволяет в оценках экспедиции XIX в. быть более справедливыми и руководствоваться не эмоциями, а фактами.

Факты же свидетельствуют, что в других направлениях деятельности судьба зарубежного визита была более успешной. Труды З.А. Матусовского по картографированию маршрута пройденного пути были признаны выше всех похвал. Впрочем, это и неудивительно, т.к. эта часть задания была сформулирована совершенно определенно и

поручена человеку, занимавшемуся этим делом профессионально, знакомого с обстоятельствами дорожного труда и быта именно на этом направлении.

Начиная с середины 60-х гг. XIX в., он совершил ряд путешествий в приграничных с Россией китайских владениях, получив в первом же походе на Тарбатагай несколько ранений от грабителей. Таким образом, поход 1864 г. для него был в полном смысле «боевым крещением», не охладившим его пыл исследователя. С 1865 по 1868 гг. Матусовский ежегодно предпринимал географические рейды в районы северо-западного Китая. В 1869 г. он участвовал в комиссии по определению границы России с Китаем на юго-западном направлении, что, как отмечалось в прессе, дало «повод к правильным сношениям пограничных подданных обоих государств»⁸.

В 1870 г. признанным специалистом З.А. Матусовский командировается в состав очередной экспедиции в северо-западную Монголию для изучения торгово-экономических условий сотрудничества, в ходе которой ему пришлось продемонстрировать всю силу характера и решительность в исполнении задания, ибо «китайские эволюции, пущенные в дело», всячески препятствовали продвижению отряда. С 1871 по 1873-й год он еще трижды посетил китайские владения, нанеся на карту пути, ведущие в крупные китайские населенные пункты, а кроме того — речную область Черного Иртыша. За географические исследования во время этого путешествия З.А. Матусовский был награжден ИРГО серебряной медалью. Все это дает основание полагать, что его участие в походе 1874–1875 гг. было незаменимым, а вклад в итоговый отчет — решающим.

Если протяженность всего маршрута, как отмечалось, равнялась 4000 верстам, то З.А. Матусовский только на почтовых лошадях обследовал до 10000 верст, более 1000 — на лодке, до 4500 — верхом. И это дало ему возможность осуществить топографическую съемку от Ханькоу до границы Семипалатинской области, выполнить несколько планов китайских городов, представить профили пройденного пути⁹. И.Я. Словцов свидетельствует, что Зиновию Лавровичу удалось собрать небольшой, но тщательно подобранный гербарий, составить карту распространения чайного деревца в Китае и собрать информацию о всех чайных плантациях и фабриках (китайских, русских, английских, французских и немецких). Детали

путешествия он заносил в путевой дневник, отрывки из которого позже были помещены в Известиях ИРГО под названием «Краткий топографический очерк пути, пройденного русскою экспедициею по Китаю в 1875 году от г. Хань-Коу до Зайсанского поста», за что вторично получил от ИРГО серебряную медаль.

Видимо, дневниковые записи помогли ему подготовить и издать с помощью Академии наук в 1888 г. книгу «Географическое обозрение Китайской империи с картою на 4-х листах и пятью приложениями в тексте». Эта книга отличается попыткой систематизировать все известное об этой стране, опираясь на труды предшественников и в т.ч. П.Я. Пясецкого, который, в свою очередь, составил библиографию иностранных и русских публикаций о Китае и даже делал переводы с английского, которыми и воспользовался Матусовский. В этой книге автор дал подробный исторический и географический очерк Китая, в который вошла информация о населении Китайской империи, административном устройстве, провинциях и городах, форме правления с экскурсом в прошлое, портах, открытых для торговли, оборотах заграничной торговли и т.п. В приложении были указаны границы России с Китаем, положения российско-китайских договоров, приведен «Перечень важнейших событий в истории сношений России с Китаем».

«Пионер русской культуры в Китае», как назвали З.А. Матусовского в одной публикации 1876 г., стремился к объективности в познании восточного соседа. И это ему удалось ценой многолетнего поиска и напряженной деятельности, которая современниками была названа «почтенной», отмечена в научном отчете М.И. Венюкова, посвященном вкладу русских географов-картографов в изучение Центральной Азии и Китая, на Всемирном географическом Конгрессе в Венеции в 1881 г.

Эти отзывы о З.А. Матусовском появились вскоре после окончания похода в Китай, с выходом же книги они уже ни у кого не вызвали сомнения. Более того, вся экспедиция 1874–1875 гг. уже не стала казаться малоуспешной, какой она представлялась некоторым экспертам. Тем более что к этому времени уже увидело свет сочинение и П.Я. Пясецкого «Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. через Сибирь, Монголию, восточный, средний и северо-западный Китай» в 2 т. (1880 г., 2-е изд. — 1882 г.).

О П.Я. Пясецком нужно сказать особо, т.к. с его именем были связаны наиболее положительные оценки похода в Китай. П.Я. Пясецкий принадлежал к числу молодых людей (род. в 1843 г.), одержимых тягой к познанию, трудолюбивых и талантливых. Именно эти качества привели его, врача по образованию, одаренного способностью к рисованию, в состав экспедиции Ю.А. Сосновского, в ходе которой он продемонстрировал лучшие свои качества, «блистательно»¹⁰ исполнив свою часть задания.

Как врач он был наделен функцией охраны здоровья членов экспедиции, а также — изучения санитарных условий и быта китайского населения. И в итоге опубликовал брошюры «О медицине и санитарных условиях Китая» (1876 г.) и «Как живут и лечатся китайцы» (1882 г.).

Однако его личный успех связан с этнографической (более 1000 экземпляров), минералогической, энтомологической (4 тысячи экз.) коллекциями, гербарием, чучелами животных, которые были призваны познакомить россиян с Поднебесной империей как можно полнее. Настоящий же фурор произвело художественное собрание рисунков, иллюстрирующих природу, быт, города, храмы, стены и бастионы, развалины старинных построек, отдельные предметы, типы и портреты и т.д., которые были выполнены «на лету», т.е. в ходе почти безостановочного движения.

Для полного погружения в новую культуру была изготовлена панорама, т.е. изображение пути из Внутреннего Китая до русской границы «в непрерывной картине» длиной около 70 метров. Основу изображения составляют водные артерии Янцзы и Хань (Ханьшуй), по берегам которых люди занимаются обычным для них трудом: возделывают рисовые плантации, строят дома в свойственном китайцам архитектурном стиле, разводят сады. Занимает воображение художника и природа, имеющая в каждой местности свой естественный характер: помимо рек, это горы, пустыни и оазисы, покоряющие путников возможностью пополнения жизненных сил. Конечно же, в панораме представлена Великая китайская стена, поразившая путников своей протяженностью и искусством исполнения. Сохранившаяся до наших дней, эта панорама является свидетельством не только разнообразной культурной жизни Китая в XIX в., но и подвига П.Я. Пясецкого, для которого этот труд был данью отечественной науке, стране, во имя процветания которой он готов был на тяготы и лишения.

Надо заметить, что в ходе экспедиции им была выполнена еще панорама Великого сибирского пути — более грандиозно исполненная, она вызвала ошеломляющий успех на Всемирной выставке в Париже.

Однако, как уже отмечалось, это были не единственные памятники былого похода. Тысячи рисунков передавали в подробностях жизнь азиатского народа, его характер, привычки. Художник постарался показать и особенности изобразительного искусства Китая, которое его занимало как специалиста. В аннотации к выставке своих работ он посчитал нужным заметить: «Китайская живопись отличается неверностью рисунка и отсутствием правильного расположения света и тени, но замечательна богатством фантазии и силою выражения, какое художники-китайцы придают немногими чертами человеческим физиономиям»¹¹. Привлекла его внимание и пейзажная живопись, исполненная на шелке, фарфоре, стекле, рисовой бумаге, образцы которой также были привезены и продемонстрированы общественности.

Привезенные материалы (картины, этнографическую коллекцию, образцы строительного материала, предметы культа, музыкальные инструменты и т.п.) были показаны в Академии художеств (весна 1876 г.), Академии наук (с июля по декабрь 1876 г., в 1882 г., в 1884 г.), в Императорском обществе поощрения художеств (ноябрь 1885 г.), участникам Первого Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге (август 1876 г.), делегатам Всемирного географического Конгресса в Венеции (1881 г.), некоторые из них с помощью картин «воскресли» свои собственные поездки в Китай. Картины и коллекционные материалы демонстрировались в ИРГО, а также в Министерстве внутренних дел. В июне 1882 г. выставка побывала в Москве.

За работы, послужившие материалом для первой из этих выставок, П.Я. Пясецкий получил звание Почетного Вольного Общника Императорской академии художеств (1876 г.).

Кроме выставочной деятельности, П.Я. Пясецкий занялся подготовкой, а затем и изданием книги «Путешествие по Китаю», о которой востоковеды В.П. Васильев, В.П. Григорьев, А.М. Позднеев отзывались как о весьма достойном труде, обновляющем и оживляющем знания специалиста. В приложении даны карта Китая, список рисунков и список названий собранных растений, которые численно значительно превосходят показанное широкой публике. Их перечень уже

удивляет читателя полнотой и разнообразием. Здесь можно найти образцы национальной одежды, орнамента на бытовых предметах, игрушки, изображения интерьеров помещений, надгробий, оружия, способов сухопутного передвижения.

Книга была переведена на французский и английский языки. В России она была удостоена большой золотой медали Императорского Русского географического общества и одобрена министерством народного просвещения для фундаментальных библиотек всех учебных заведений и учительских семинарий в качестве учебного пособия.

Вместе с трудами Ю.А. Сосновского и З.А. Матусовского труды П.Я. Пясецкого, как представляется, сыграли свою роль в реабилитации экспедиции, обвиненной сгоряча в некомпетентности. Стало очевидным, что нужны дополнительные усилия различных ведомств и ученого сообщества по поиску приемлемых решений. И они были приняты уже вскоре как на дипломатическом поприще, так и в среде ученых. Частным, но показательным примером можно считать одно из заседаний в «Обществе содействия русской промышленности и торговле» (12 января 1884 г.), на котором консул в Монголии Я.П. Шишмарев выступил с докладом о важности сообщений с Западным Китаем и необходимости расчистки торгового пути от Бийска, т. н. Чуйского тракта. Этот факт нашел отклик на страницах газеты «Восточное обозрение», в которой появилась заметка об истории вопроса. Были упомянуты имена П.А. Чихачева, А.Г. Принтца, В.В. Радлова, которые «предугадывали»² значение торговли на этом направлении.

Как известно, Чуйский тракт стал-таки местом приложения правительственных сил, но события начала XX в. затормозили решение всего комплекса проблем по сотрудничеству с Китаем. Результаты экспедиции Ю.А. Сосновского, даже в варианте, который устраивал далеко не всех, оказались невостребованными, хотя, выражаясь словами П.Я. Пясецкого, «наглядное знакомство с Китаем» состоялось. Получается, что это и был настоящий итог похода 1874-1875 гг., которому были отданы все силы его участников.

Примечания

¹ Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 63. Оп. 1. Св. 2. Д. 33. Л. 99.

- ² Результаты экспедиции полковника Ю.А. Сосновского для исследования торгового пути в Китай // *Голос*. 1876. № 108. 19 апреля.
- ³ Там же.
- ⁴ Петровский Н. Учено-торговая экспедиция в Китай // Пясецкий П.А. Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. через Сибирь, Монголию, восточный, средний и северо-западный Китай в 2-х т. Т. 2. СПб., 1882. С. II.
- ⁵ Результаты экспедиции полковника Ю.А. Сосновского для исследования торгового пути в Китай // *Голос*. 1876. № 108. 19 апреля.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Сосновский Ю.А. Экспедиция в Китай. 1874–1875. Т. 1. Ч. I. М., 1883. С. 77.
- ⁸ Зиновий Лаврович Матусовский — картограф-топограф китайских владений // *Всемирная иллюстрация*. 1876. № 407. 16 октября. С. 290.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Доктор медицины Павел Яковлевич Пясецкий — естестволог-испытатель-рисовальщик китайской природы // *Всемирная иллюстрация*. № 407. 16 октября. С. 290.
- ¹¹ Пясецкий П.Я. Наглядное знакомство с Китаем. Указатель для осмотра «Китайской выставки». М., 1882. С. 36.
- ¹² Незаменимый путь в Китай // *Восточное обозрение*. 1884. № 3. 19 января.